УДК 316.65

ПОКОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ ПОД ПРИЦЕЛОМ «ОРГАНИЗОВАННОГО СКЕПТИЦИЗМА»

Ж. М. ГРИЩЕНКО[1)]***, Т. В. ЩЕЛКОВА***[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Представлено логическое продолжение темы характерологических особенностей постсоветского поколения студенческой молодежи, социализация которого проходила в условиях тотальной аномии в обществе. В центре исследовательского интереса на сей раз – проблема самореализации современного студенчества, представленная как поиск путей и средств осуществления программы личного жизненного успеха. Эмпирический базис объективированных тенденций включает в себя результаты количественных и качественных методов исследования с фокусировкой на смыслах, программирующих актуальные паттерны поведения поколения Z. Продолжается дискуссия о методологических особенностях современной социологии, реактивности ее инструментария и апробации методик по повышению чувствительности инструментария к замеру смыслов.

Ключевые слова: означаемое-означающее (смыслы); социальная аномия; трансцендентность социального; латентность; типологические особенности; гуманитарный континуум; организованный скептицизм; коммуникативная адекватность; инструментальная ценность; мотивационная разбалансировка; раскол культурных традиций; травмирующий эффект; культурный код; импринтинговый эффект.

GENERATION OF SOCIAL ANOMIE AT THE SIGHT OF «ORGANIZED SKEPTICISM»

Z. M. GRISHCHENKO[a]***, T. V. SCHOLKOVA***[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*
Corresponding author: Z. M. Grishchenko (zhanna0607@mail.ru)

The article is a logical continuation of the theme of the characterological features of the post-Soviet generation of students, whose socialization took place in the conditions of total anomie in society. In the center of research interest this time-the problem of self-realization of modern students, presented as a search for ways and means of implementation of the program of personal success in life. The empirical basis of the trends objectified in the article includes the results of quantitative and qualitative research methods with a focus on the meanings programming the actual patterns of behavior of generation Z. in Parallel, the discussion on the methodological features of modern sociology, the reactivity of its tools and the approbation of techniques to increase its sensitivity to the measurement of meanings.

Key word: meaning-meaning (meanings); social anomie; transcendence of social; latency; typological peculiarities; humanitarian continuum; organized skepticism; communicative adequacy; instrumental value; motivational imbalance; split of cultural traditions; traumatic effect; cultural code; imprinting effect.

Образец цитирования:
Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение социальной аномии под прицелом «организованного скептицизма». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:113–123.

For citation:
Grishcnenko ZM, Scholkova TV. Generation of social anomie at the sight of «organized skepticism». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:113–123. Russian.

Авторы:
Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.
Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:
Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
zhanna0607@mail.ru
Tatiana V. Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
tanar2002@tut.by

Когда сталкиваешься с представителями неожиданно повзрослевшего нового поколения молодежи, уверенно выдвигаемого на авансцену истории, закономерно встает вопрос: «Насколько новая поколенческая реальность совпала с нашими ожиданиями?». Психологи утверждают, что предвосхищающая результат визуализация мечты – первый серьезный шаг к ее объективации. Но таким ли мы представляли на заре перестройки это поколение миллениалов, которым суждено было появиться на свет на рубеже веков, ознаменовав безвозвратный уход старого мира и аккумулировав в себе мощный энергетический заряд подлинно независимых и свободных людей, которым в нашем воображении предстояло жить в новом справедливом и демократическом веке? Попытки найти ответы на сформулированные вопросы порождают вполне обоснованный скептицизм…

С одной стороны, что мы, собственно, могли сказать тогда о поколении миллениалов? И каким конкретным содержанием мы были в состоянии наполнить визуализацию желаемого образца? Личный опыт не исключал, конечно, возможности непосредственно наблюдать за собственными детьми, детьми соседей, друзей, позволял понять неординарность разворачивающихся событий. Но, ограниченные личным опытом, мы не могли оценить масштабы тех процессов, которые закономерно и необратимо зарождались на наших глазах и при нашем участии в первом постсоветском поколении. К тому же категоричность императива о *преемственности поколений*, прямо скажем, успокаивала и обнадеживала особо озабоченных неблагополучием развивающихся событий. А как иначе? Ведь каждое молодое поколение, вступающее в самостоятельную жизнь, привносит в мир инновационные изменения, соответствующие духу эпохи. Более того, эти закономерные коррекции уходящей эпохи, несмотря на изначальный нигилизм представителей старших поколений, как правило, завершаются признанием последними своей неправоты. А выдвигаемые на авансцену истории молодежные ценности приобретают *инструментальную* значимость двигателей прогресса. Так вошли в историю, например, поколение шестидесятников, отмеченное своеобразием привнесенной субкультуры с выраженной саморефлексией и попытками стать оппозицией режиму, и поколение семидесятников с характерным для него развенчанием иллюзий по поводу «хрущевской оттепели» и переходом значительного творческого потенциала в формат андеграунда.

С другой стороны, мы явно недооценили масштабы *социальной трансцендентности*, имманентно характерной для любого процесса социализации.

В силу направленности на формирование интерсубъективного мира со своими смыслами и значениями, мотивами и целями, а также коллективными представлениями процесс социализациии по определению носит преимущественно *латентный* характер. В связи с этим перманентно ускользающий от непосредственного визуального восприятия и оценки происходящего наш личный опыт начинает приобретать более или менее реалистичные очертания не в ходе социализации, особенно не на начальных этапах, а при их промежуточном завершении. Вероятно, именно поэтому чем больше временной интервал между нами и «лихими» 90-ми, тем глубже мы понимаем драматический смысл того десятилетия с его революционным пафосом социальной реконструкции 1/6 суши. В особенности это касается молодого поколения, начальные этапы социализации которого совпали с исторически неблагоприятными обстоятельствами взросления в условиях трансформирующегося мирового порядка. В этом хаосе и воцарившейся всеобщей растерянности, в ореоле туманности и неопределенности настоящего, в возрастающей непредсказуемости будущего мы, озабоченные собственными проблемами адаптации к изменяющемуся миру, непростительно редко задумывались о судьбе детей эпохи *тотальной социальной аномии*. Надо признать, что до определенного момента данное поколение вообще оставалось вне исследовательской фокусировки, что решающим образом сказалось на продолжительной пролонгированности нашего пребывания в режиме трансцендентности социального. Лишь 20 лет спустя, когда первая постсоветская генерация заявила о своей самостоятельности во взрослой жизни, горизонты нашего восприятия проблемы расширились, получив осязаемую подпитку опытом непосредственного столкновения с детьми эпохи социальной аномии.

Качественное своеобразие и принципиальное отличие этого поколения от предшествующих позволили соотнести его с культурологическим архетипом, названным поколением Z. Однако если для западных традиций межпоколенческой дифференциации принципиальными остаются критерии идентификации данного поколения с эпохой цифровых технологий и вытекающих из этого последствий [1; 2], то наши реалии не исчерпываются, к сожалению, критериями технического прогресса. Несмотря на то что отечественная модернизация носит догоняющий характер, надо признать, что молодежный сегмент, о котором пойдет речь, окунулся в инновационные реалии технического прогресса с рождения, оперативно усвоив все тонкости уже в младшем школьном возрасте, даже не успев осознать революционный смысл инноваций. Куда более принципиальной для отечественного поколения цифровых технологий стал сопутствующий взрослению социальный контекст, предполагающий радикальную перестройку всей социальной системы. Именно данное обстоятельство очередного революционного этапа отечественной истории закономерно повлекло за собой пребывание первого постсоветского поколения молодежи в идеологиче-

ском, нравственном и культурном вакууме, сопряженном с затянувшимся системным кризисом всех сфер жизнедеятельности общества. Именно с обозначенным драматическим социальным контекстом мы попытаемся связать *типологические* особенности данного поколения, вступающего сегодня в самостоятельную жизнь. Данное целеполагание послужило логическим основанием для вычленения относительно самостоятельного сегмента поколения цифровых технологий на основе осознанного ограничения его интервальных границ социализации рамками единого пространственно-временного *гуманитарного континуума*, названного «тотальная аномия».

Перед нами, таким образом, современная студенческая молодежь эпохи социальной аномии в чистом виде, рождение и социализация которой проходили вне социализма и вне его категорических императивов, в том числе идеологических. Объект нашей исследовательской фокусировки – молодежь, не испытавшая на себе эффект социальной травмы (в отличие от родителей), потому что ее представители родились и взрослели уже в объективно сложившейся ситуации травмированного общества, явившегося следствием непродуманных общественных реконструкций.

Молодежь, обладающая полным набором инновационных гаджетов, не задумывается, что может быть как-то иначе.

Именно непосредственное столкновение с обозначенным сегментом в исследовательской практике позволило оживить в памяти идею Р. Мертона об *организованном скептицизме* как о факторе развития науки [3] и посмотреть через призму своего объекта на ряд проблемных сторон прежде всего самой социологии, активно популизирующей результаты массовых социологических опросов с навязчивой риторикой, завораживающей своим оптимистичным прогнозом: «Все путем!». Говорят, идет закономерный процесс смены поколений с необходимо вытекающими из него противоречиями, но завершающийся, как обычно, преемственностью традиционно-нормативной модели ценностей, да еще с облагораживающим инновационным эффектом – двигателем социального прогресса. Приблизительно такой вердикт выносит современная социология на обозрение широкой научной (и не только) общественности.

Между тем своеобразие, о котором громко заявляет вступающее в жизнь молодое поколение конца 1990-х гг., бросает вызов обществу и параллельно науке об обществе, призванной этот прогрессирующий хаос социальной системы как-то осмыслить и концептуально организовать, несмотря на оптимистические заверения авторитетных методологов относительно перспектив *самоорганизации* социальной системы [4]. Тем более именно социология призвана ответить на вопросы: «Куда же эта самоорганизующаяся реальность движется?»; «Какой вектор ее саморазвития уже сегодня и сейчас берет верх и задает конкретные параметры направленности этого движения в будущем?». И, если ответ на вопрос: «Что с нами будет?» – предполагает наличие у исследователя эвристического мышления, благодаря чему он способен угадать наличие некоторой совокупности латентных (скрытых) закономерностей нашего продвижения, то на вопрос: «Что мы представляем из себя сегодня?» – вполне может быть найден ответ с учетом непосредственно наблюдаемых и осязаемых, а потому явных эмпирических релевантов нашего настоящего. В контексте заявленного целеполагания принципиальной остается проблема функциональности традиционной социологической методологии с учетом современных тенденций.

Возьмем, к примеру, проблему *коммуникативной адекватности* в отношениях между обоими коммуникантами исследовательского поля – самим исследователем и респондентом в лице современного представителя эпохи цифровых технологий. Многолетний исследовательский опыт позволяет утверждать, что недооценка обозначенной проблемы и, как следствие, просчеты методологического характера создают эффект постоянно ускользающей натуры объекта в облике постсоветской студенческой генерации. Представим, что этот среднестатистический представитель новой эпохи возникнет перед вами в лице рядового респондента. Вы предпринимаете соответствующие попытки наладить коммуникационное взаимодействие, лежащее в основе любого социологического метода. В частности, задаете открытый вопрос, сформулировав его, как вам кажется, в терминах лексической адекватности респондента. Является ли данный факт достаточным основанием для убежденности в том, что он вас поймет? А если поймет и даже ответит, то где гарантии того, что его ответ не станет экспрессивной реакцией? Когда в уме находится что-то глубоко личное и потаенное, а в риторике ответа – что-то в лучшем случае ироничное, а в худшем – саркастичное, пропущенное сквозь призму усвоенного нигилизма или даже цинизма? Например, реакция на открытый вопрос анкеты: «Кто твой идеал?» – вызывает у поколения эпохи аномии практически однозначную негативную экспрессию выраженного категорического толка: «Идеалов нет и быть не может!». Это вполне закономерно с учетом взросления респондентов в ситуации системной аномии, сопровождаемой перманентной переоценкой страниц истории и ее героев, сносом памятников, переименованием улиц и городов. Поэтому выраженные в ответе саркастические нотки направлены, скорее всего, именно на исследователя, обнажившего своим вопросом очевидность того, что он работает в другой смысловой парадигме, олицетворяющей *архаику* прежних лет, ничего общего не имеющей

с актуальным мировоззрением повзрослевших детей периода социальной аномии. В связи с этим стоит хотя бы в малом задуматься о целесообразности использования в современной исследовательской практике арсенала привычных методических клише с учетом принципиально иной, в том числе и в социологическом плане, культуры мышления повзрослевшей генерации.

Не говоря уже о самой незначительной из улавливаемых тенденций – вероятностном *семантическом смещении* коммуникации, продиктованном спецификой лексической вооруженности представителя эры цифровых технологий. Когда может случиться так, что ряд понятий, которыми он оперирует, и стоящих за этими понятиями лексических значений, просто не входят в словарный запас самого исследователя. Это, например, глаголы «банить», «троллить», «хейтить», «чатить» или существительное «флешмоб», а также ряд других слов, типичных для виртуального мира молодого респондента поколения Z. В любом случае очевидный дисбаланс между преимущественно *виртуальным* миром респондента и вашим *реальным* миром сигнализирует о принципиальной разнице ваших повседневностей, включая и ее семантическую определенность.

Куда более драматично в связи с проблемой коммуникативной адекватности выглядит ситуация с традиционными массовыми опросами, предварительный набор которых предполагает обязательную редукцию теоретических исследовательских концептов к операциональным определениям, а формулировка – перевод на язык повседневности. С учетом специфики объекта сразу возникает проблема *ценностной разбалансировки* исходных установок исследователя, олицетворяющего, как правило, иной поколенческий и культурологический архетип с присущим ему значением традиционной нормативной модели ценностей, и тех ценностей, которые настойчиво транслируют современные представители эпохи миллениума. Надо признать, наконец, что между этими исходными ценностными моделями, как показывает опыт, бездна прямого и косвенного несоответствия. В итоге предложенная исследователем социологическая анкета заводит респондента поколения Z в лабиринт чужих смыслов, из которого надо найти выход. Респондент справляется с этой задачей, причем достаточно успешно, выбирая из списка предложенных социологической анкетой альтернатив те значения, которые *ожидает* исследователь, ибо он их и формулирует. Личностные смыслы респондента при этом остаются «за кадром», объективируя эффект целенаправленного осознанного конструирования *артефактов*. Поколение цифровых технологий, а особенно такой его сегмент, как студенческая молодежь, характеризуется достаточной компетентностью для того, чтобы легко сориентироваться в расставленных исследователем традиционных (если не банальных) логических ловушках, сочетающих в одном смысловом блоке прямые, косвенные и контрольные вопросы, а также чтобы уловить необходимость логической согласованности своих ответов. Тем более что жесткие методические правила социологического инструментария обязывают в преамбуле к анкете сформулировать цели и задачи исследования, что уже служит *подсказкой*, которая усиливает эффект, названный психологами «каузальная атрибуция»: респондент вполне осознанно принимает навязанные исследователем правила игры и свое когнитивно обоснованное содержанием исходной теоретической исследовательской парадигмы прочтение ситуации. Тогда как реальность испытуемого в своем «турбулентном воплощении» все чаще находится в отрыве от формулируемых традиционных постулатов и заменяется иррациональным выбором. Соответственно, актуальные смысловые паттерны поведения современного студента тоже в значительной степени иррациональны. При всем желании студент не сможет идентифицировать свои иррациональности (на то они и иррациональности) и уместить их в строгое логическое русло предложенной анкеты. Поэтому современный респондент в облике студента эпохи миллениума ощущает себя при заполнении предложенной ему анкеты приблизительно так же, как при разгадывании дома на диване кроссворда. Угадает ли он ваши теоретические конструкты, релевантно представленные в эмпирических признаках, да еще сформулированные в серии вопросов простым языком повседневности? Скорее всего, да, с бóльшим или меньшим успехом. Однако это не решает проблему полученного в итоге артефакта. Так как в результатах не представлена, к сожалению, аутентичность (подлинность) респондента с его личным габитусом, через который отвечающий воспринимает и прочитывает окружающий мир, а попутно и содержание предложенной ему анкеты, стараясь вписаться в ее содержание и логику. При этом респондент осознанно абстрагируется от богатой палитры собственных наполовину иррациональных смыслов, пытаясь угадать заданные и сформулированные исследователем смыслы, опираясь на свою рационализирующуюся в ходе опроса компетентность. Как ни парадоксально, но порой строгое соблюдение прописанных во всех учебниках методических правил и принципов организации социологического исследования не гарантирует *валидность* полученных результатов. В конечном счете *тиражирование научных артефактов может быть обусловлено результатами массовых опросов, выстроенных в режиме абсолютной методологической строгости*. Вот почему из года в год в них повторяются одни и те же смысловые блоки, шаблонные вопросы, идентичные шкалы и сомнительные истины о безусловной приверженности молодого поколения традиционной модели ценностей. А вре-

мя между тем закономерно выдвинуло на передний план отечественной истории принципиально иной культурологический архетип – поколение социальной аномии, отчуждение которого от нормативной традиционной ценностной модели становится очевидным даже на визуальном уровне. Это уже не латентная определенность характеристики объекта, которую необходимо угадать и предвосхитить через набор адекватных и явных эмпирических индикаторов. Это в настоящем – очевидная и непосредственная реальность, достаточно выразительно представленная в актуальной повседневности и легко фиксируемая визуально через поведение, отношение и реакции представителей обозначенного возрастного сегмента на все, что происходит вокруг и что транслирует на практике социология жизни.

Проблема *реактивности* социологического инструментария в общем не нова! В исследовательской практике социолог постоянно к ней апеллирует, пытаясь ее разрешить (или нивелировать) филигранными изысками своих преимущественно методико-процедурных разработок. Вместе с тем актуальность момента, продиктованная обстоятельствами вхождения в исследовательское поле принципиально иного специфического объекта, т. е. представителя генерации Z и попутно продукта пролонгированной на десятилетия отечественной социальной аномии, заставляет посмотреть на проблему реактивности социологического инструментария с иных позиций. Определяющим здесь является факт раскола культурных традиций между самим исследователем, воспитанным в традиционной парадигме и эксплицирующим понятные ему ценности в своих осмысленных теоретических конструкциях, и молодым респондентом эпохи миллениума, культивирующим совершенно иную ценностную модель с учетом тех смыслов, которые он в нее вкладывает. Порой этот дисбаланс между прошлым и настоящим ощутим настолько, что возникает закономерный вопрос: «Не сигнализирует ли это новое поколение Z о начале перекодировки культуры нации в принципе?» В связи с этим опосредованность результатов исследовательского поля инструментарием, крайне нечувствительным к улавливаю смыслов именно нашей повседневности, ставит мощный барьер продуктивности всех исследовательских методик, какими бы строгими, нормативными или талантливыми они не были. В первую очередь эта разрешающая способность социологического инструментария касается тех жизненных смыслов, которые запечатлены в формирующихся «ментальных трассах» детей аномии, уже в настоящем определяющих реальный вектор духовного развития общества.

Попытки экспериментально апробировать различные методические подходы к исследованию обозначенного нами сегмента обнажили целый ряд гносеологических противоречий. Не претендуя на всеобъемлющий характер сделанных выводов, обращаем внимание на их экспериментальную направленность с точки зрения повышения *разрешающей способности* используемых методик к улавливанию смысловой акцентуализации традиционной модели ценностей современным поколением студентов, сидящих сегодня в вузовской аудитории. Бесспорным остается приоритетность принципа триангуляции, позволяющего сочетать количественные и качественные методы, комплексно повышающие эффект конечного результата – эмпирической параметризации жизненных смыслов современного студенчества.

Например, попытки реализовать известный социологии метод свободных ассоциаций в современной студенческой аудитории посредством стимулирования респондентов свободно саморефлексировать в ситуации произвольной презентации себя при ответе на вопрос: «Кто ты?» – показали резкое сужение (по сравнению с результатами традиционных массовых опросов, включающих в себя до 15 наименований) набора доминирующих в студенческой среде ценностей [5], которые, по существу, свелись к четырем: самореализация, учеба, семья, любовь (дружба). Заметим, что все указанные ценности оказались практически эквивалентными по весу в обозначенном студентами ролевом повседневном наборе, смысловая коннотация которого позволяла исследователю достаточно уверенно и вполне обоснованно идентифицировать его с традиционной, хотя и обедненной, ценностной моделью. Сам факт наличия ограничивающего эффекта при произвольном «назывании» в случае свободных ассоциаций, а не при сознательном «выборе» из перечня, предложенного социологической анкетой, очевиден и, собственно, на это и рассчитан. Однако даже эта усеченная ценностная модель оставалась закрытой по отношению к реальным смыслам, вкладываемым респондентом в ту или иную ценность.

Это противоречие между формально означаемым и личностно означающим, хорошо известное философии и психологии, в социологии уходит в сферу *феноменологии* и анализа повседневности через рефлексию обыденных практик, где означающее (смысл) выводится из сознания субъекта, ему же приписывается конструирование самой социальной реальности [6–8]. Поэтому методико-процедурная проработка социологического инструментария в заданном направлении имела своей целью уловить глубинные эмоционально-когнитивные различия трактовок традиционного ценностного набора в прошлом и настоящем, фиксируемые на уровне выраженного в ментальности эффекта смысловых *запечатлений* (*импринтингов*).

Использованный в качестве эксперимента метод *тестирования* с набором произвольно представлен-

ных для оценки студенческой аудиторией суждений, эмпирически верифицированных с позиции гомогенности смыслового плюрализма четырех традиционных ценностей – самореализация, учеба, семья, любовь (дружба) – приоткрыл завесу тайны. Несмотря на количественную статусную определенность метода тестирования факт сопряженности в едином эмпирическом поле комплекса устойчивых для современного поколения студентов смысловых импринтингов позволил уловить как внутрипоколенческие, так и межпоколенческие принципиальные разногласия в прочтении и оценке традиционной ценностной модели.

Возьмем, к примеру, ценность личностной *самореализации* как наиболее объемную по содержанию, охватывающую все сферы жизнедеятельности, к тому же допускающую широкую вариативность средств для достижения цели и тем самым задающую жизненные стратегии поведения. Результаты тестирования обнажили ряд закономерностей, раскрывающих смысловую нагруженность процесса самореализации для студента эпохи цифровых технологий. Скажем сразу: они неоднозначны, но обладают явно выраженным центром притяжения, резко отличающим современную генерацию студенчества от предшественников.

Во-первых, усвоенная модель самореализации обнаруживает выраженное тяготение к *персонализации*, сопряженной с обязательностью *социального признания*. Практически три четверти принявших участие в эксперименте студентов (всего 300 человек) обнаруживают устойчивый импринтинговый эффект смысловой направленности на самоутверждение собственного *Я*.

Во-вторых, само понимание личности крайне индивидуализировано и трактуется большинством в узких рамках *личностной автономии*. В результатах тестирования мы получили единодушную поддержку смысловой идентификации понятия «личность» с «возможностью оставаться собой».

В-третьих, озабоченные отстаиванием собственной автономии повзрослевшие дети социальной аномии не приемлют никаких примеров для подражания, рассматривая данную альтернативу как вероятную угрозу собственной автономии. Причем неприятие авторитетов для подражания распространяется не только на известных исторических героев, культ которых за последние два десятилетия основательно развенчан, но и на современных кумиров, чья успешная самореализация могла бы служить ориентиром хотя бы с точки зрения *технологии* выстраивания программы достижения жизненного успеха. Так, включенный в набор тестовых суждений пример с Аллой Пугачевой, олицетворяющей собой успешную профессиональную самореализацию со всеми преимуществами звездного статуса и атрибутами материального благополучия, получил поддержку очень незначительной части студенческой аудитории (12 % против 86 %). Аналогично практически не прослеживаются попытки брать пример жизненного успеха с собственных родителей, педагогов УВО, учителей школы, просто знакомых, литературных персонажей или киногероев.

Оказавшиеся в идеологическом вакууме, отчужденные от идеалов для подражания предшествующих поколений, вооруженные нигилизмом в оценках прошлого и цинизмом по отношению к настоящему, дети социальной аномии, таким образом, поставили в центр внимания собственное *Я*, пытаясь сохранить и утвердить свой жизненный мир как *независимую автономию* и реализовать свою личную индивидуальную программу жизненного успеха, чувствуя себя абсолютно свободными от всех социальных условностей, нравственных обязательств и тем более от чувства долга.

Но какова цена вопроса? Или каков инструментальный набор стратегий и тактик достижения этого жизненного успеха? Надо сказать прямо, что, несмотря на заметную расширительную трактовку (в сравнении с предшествующим поколением) инструментальных подходов к личностной самореализации, их доминантная часть остается в рамках стабильной традиционности. Это связи (64 %), деньги (60 %), карьера (50 %), власть (26 %). Среди постсоветской студенческой молодежи заметно возрастает, по сравнению с предшествующими поколениями, предпочтительность социально традиционных механизмов самореализации. Последнее свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости обозначенных алгоритмов достижения успеха в обществе, несмотря на заявленное перепрограммирование (в ходе перестройки) его целевых стратегических ориентаций и социальных установок, а с другой стороны, о том, что зафиксированный прирост приоритетности традиционных ставок в личностных стратегиях самореализации является следствием очевидного снижения порога чувствительности постсоветского поколения студентов к традиционным нравственным критериям, т. е. чувству долга, совести, ответственности перед обществом, патриотизму. Современная генерация студенчества несравнимо более свободна в своем самоопределении, что позволяет ее представителям абстрагироваться от идеологических установок прежних лет и делать ставки на те алгоритмы реализации успешного жизненного проекта, которые были недоступны предшествующим поколениям. Например, перспектива выезда за рубеж с целью заработать или продолжить учебу обнаруживает импринтинговую выраженность у подавляющей части (80 %) протестированной студенческой аудитории с оговоркой «в случае появления реальных возможностей». Поскольку растет мобильность студенческих передвижений, стимулируемых к тому же извне (например, внедряемым в образование

Болонским процессом), обозначенные тенденции вряд ли вызовут у кого-либо удивление. Как ни парадоксально, но привычные выводы нашего стереотипизированного сознания о непатриотичности современной молодежи вряд ли окажутся достаточно убедительными. Более того, если вы отважитесь открыто инкриминировать представителям поколения цифровых технологий постсоветского образца то, что их установки непатриотичны, то, скорее всего, они даже не поймут этого и будут в подавляющей своей массе правы, так как, наряду с готовностью выехать за пределы родины при условии появления соответствующих возможностей, они искренне любят ее: смысловой импринтинг «Я белорус и горжусь этим!» характерен для 61 % студентов. В связи с этим надо признать, что современное поколение студенчества живет совершенно в иных реалиях, выезд за границу (на отдых, учебу, работу, в командировку и др.) для них не несет смысловой нагрузки непатриотичности, с чем сталкивались предшествующие поколения. Освободившись (в силу специфики сложившихся социальных обстоятельств) от нравственного и идеологического прессинга со стороны общества, постсоветское поколение молодежи стало боле *технологично* в своих предпочтениях. Поэтому они менее всего подходят к перспективе выезда за рубеж с точки зрения оценки патриотичности, а исходят из выраженного *прагматического интереса* к расширению возможностей осуществить успешный жизненный проект. Рационализация прагматизма, столь характерная поколению детей социальной аномии, возможно, как раз и стала следствием той возрастающей компетенции поколенческого архетипа, которой озабочена наша образовательная система последние два десятилетия. Следует добавить факт наличия выраженной дегуманитаризации и коммерциализации образования, что не могло не отразиться на общей духовной составляющей целого поколения.

С точки зрения усвоенного прагматизма оценивается и институт семьи. Еще на первом этапе исследовательских работ мы столкнулись с очевидностью того факта, что современное поколение студентов, оценивая семью в качестве ценности, ассоциирует ее с родительской семьей, которая ценна своей материальной и моральной поддержкой именно в студенческие годы.

Вот, к примеру, наиболее типичное для современной студенческой среды описание понимания семьи, данное в эссе на заданную тему, которое было предложено написать в ходе исследования: *До трепета в душе обожаю, когда мама готовит завтрак по утрам, аромат которого заставляет немедленно бежать на кухню, чтобы успеть попробовать раньше всех ее новое блюдо. А еще семья – это то, когда мама гладит папе рубашки, а он в благодарность целует ее нежно в щеку. Наверное, сейчас меня поймут многие, ведь я думаю, что все мы любим эти душевные разговоры по вечерам с мамой за чашкой чая. Именно в такие вечера мы рассказываем то, что не можем рассказать всем остальным и понимаем, что нам очень повезло с родителями*[1].

Очевидно, что родительская семья ассоциируется с целым рядом эпитетов (душевное общение, доверительные отношения, эмоциональные эмпатии и др.), свидетельствующих о комфортности и важности семейных отношений. При этом нет никаких подтверждений закономерности переноса этих критериев на собственную семью в дальнейшем. Результаты исследования зафиксировали, что лишь треть студентов остаются в рамках привычной традиционности в понимании и трактовке семейно-брачных отношений. Например, тестовое суждение «Признаю лишь официальный брак с печатью в паспорте» получает согласие лишь у 40 %, а «Главный смысл брака – рождение и воспитание детей» – только у 34 %. Очевидно, что современные паттерны поведения молодежи, связанные с популярностью гражданского брака, исключающего взаимную ответственность (моральную и материальную), а также нежеланием обременять себя детьми, создают совершенно иную модель брачных отношений, никак не вписывающуюся в традиционную ценностно-нормативную трактовку.

Результаты, полученные в ходе студенческих эссе, дополнили наши представления и объяснили, в чем причины характерной для современной студенческой среды тенденции, которую мы классифицировали как «начало конца традиционной семьи», опираясь при этом на данные выстроенной в ходе исследования эмпирической модели [9]. Традиционная семья воспринимается постсоветской генерацией студенчества как фактор угрозы личностной автономии, способный ее разрушить и стать тормозом на пути реализации успешного жизненного проекта. Приведем отрывок из студенческого интервью, который наиболее выразителен своей прагматической смысловой направленностью: *В термин «семья» я не вкладываю каких-либо отношений, кроме родственных, ибо каких-либо особенных отношений семья не несет в себе, все те отношения, которые характерны ей, я могу встретить и за ее пределами. Считается, например, что семья воспитывает людей, но, на мой взгляд, она делает это косвенно, и, скорее, если и идет воспитание, то это перекладывание своих ценностей на другого человека, что не всегда приводит к хорошему результату. Как итог: для меня семья – круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, которые вытекают из брака, род-*

[1]Здесь и далее курсивом даны тексты из личного архива авторов, сохранены языковые особенности оригинала. – *Ж. Г., Т. Щ.*

ства и усыновления. А другие определения и подходы отметаются мной фактом того, что люди могут быть не связаны какими-либо отношениями, кроме родственных, люди в ней не всегда несут взаимную ответственность, не имеют психической, духовной и эмоциональной близости, да, исполняют обязанности, но они могут и не выполняться. Стоит понимать то, что для отдельных индивидов семья не привносит в их личную жизнь ничего, кроме груза ответственности, которого лучше избежать!

Симптоматично, что именно поколение, воспитанное в рамках социальной аномии, когда институт семьи первым принял на себя удар непродуманных социальных реконструкций, оказалось в авангарде нивелирования веками складывающихся семейных традиций.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на некоторые смысловые предпочтения, явно выпадающие из обозначенной традиционности социальных алгоритмов самореализации. Например, на выраженную тенденцию предпочтительности института власти как реального социального механизма, гарантирующего достижение успеха в жизни. Практически каждый четвертый респондент (26 %) из протестированного массива постсоветского поколения студенчества не скрывает своей ориентации на «вхождение» во власть как на реальный шанс достичь жизненного успеха. С учетом типологических особенностей постсоветской молодежи – ее рационализирующейся компетентности и прагматической технологичности подходов, сопряженных к тому же с отсутствующими рамками идеологического и нравственного ограничений, – новое поколение руководителей способно породить определенные зоны социального риска. В первую очередь это касается гуманитарной составляющей управленческого процесса, который в случае внедрения абсолютизированного инструментального подхода к делу новой волны молодых руководителей потенциально ориентирован на авторитарный стиль руководства, предполагающий персонализацию статусной позиции и отношение к рядовым исполнителям не иначе как к средству закрепления личностного авторитета, что не может не усиливать вертикальную конфликтность в трудовом коллективе.

Параллельно обращает на себя внимание ряд сущностных типологических особенностей поколения миллениалов. В частности, четко фиксируется резкое повышение порога актуализации мотива личного первенства. Например, более 70 % протестированных студентов отождествили себя со смысловым импринтом, отраженным в тестовом суждении «Сколько себя помню, всегда хотел быть лучшим».

Мотив личного первенства, как известно, всегда служил энергетической подпиткой для успешной личностной самореализации. Это в принципе характеризует молодую студенческую генерацию с лучшей стороны. В конце концов, классическая установка А. С. Пушкина «Желаю славы я!» создала личность гения русской литературы. Но это в том случае, если мотив личного первенства, ориентированный исключительно на успех, реализуется в сферах профессионального интереса, творческих способностей или в любой другой социально полезной сфере деятельности. В случае с генерацией постсоветского студенчества актуальное поле самореализации менее всего ориентировано на социально значимый, а более – на личностно предпочитаемый или выгодный вариант. В этом смысле можно говорить о беспрецедентности сложившейся ситуации. Нет, в какой-то мере данные тенденции были характерны и для части предшествующих поколений студенчества, не все представители которых бросились на освоение целины. Но в нашем случае речь может идти об отсутствующей моральной мобилизации целого поколения, прагматизм которого способен абстрагироваться от социально значимых приоритетов в принципе. И надо честно признать, наши ожидания того, что для современных студентов предпочтителен выбор учебного процесса как сферы преломления мотива достижения личного первенства, оправдываются крайне редко. Результаты глубинных интервью с преподавательским составом обнажают общую озабоченность фактом демотивированности подавляющей части современных студентов учебным процессом и профессиональным ростом. Фактически в любой студенческой группе, по мнению преподавателей, можно насчитать сегодня в лучшем случае не более одной четверти студентов с выраженной мотивацией на достижение успехов в учебе. И здесь встают закономерные вопросы: «Почему?»; «Где в этом случае реализуется неудовлетворенное желание достичь личного первенства, если не в основной для студента сфере деятельности – учебе?». Наблюдаемая разбалансировка мотивационной сферы современного студента может иметь целый ряд оснований, сигнализирующих, кстати говоря, о различных аспектах проблемного поля нашей повседневности.

С одной стороны, логическая рассогласованность внутренне сформированной и фактически нереализованной мотивации для большинства задана внешними обстоятельствами, неблагоприятными условиями, сложившимися в самой системе образования. Причем речь идет прежде всего об отсутствии системности в отношениях между средним и высшим звеньями образовательного процесса в целом, находящимися к тому же в режиме затянувшегося реформирования. В глубинном интервью преподаватель ГУО с солидным опытом работы поясняет проблему следующим образом: *Дело в том, что на завершающем этапе обучения в школе (9 класс) детей дифференцируют, к примеру, на два класса по критерию успеваемости, где в классе «А» сосредотачиваются лучшие по результатам учебы дети, а в классе*

«Б» – сравнительно менее успешные. Соответственно обозначенным уровням формируются программы обучения, где классу «А» предлагается усложненный вариант, а классу «Б» – упрощенный. Однако этот разноуровневый принцип подготовки школьников никак не влияет на статусное определение лучших учеников как на одном, так и на другом качественных уровнях. И хорошо, если дети отдают себе отчет в том, что в первом случае это будут лучшие среди лучших, а во втором варианте срабатывает принцип «молодец среди овец». В любом случае, независимо от уровня их самокритичности в обстоятельствах доступности высшего образования в студенческой аудитории за одной скамьей оказываются все вместе: и лучшие среди лучших, и лучшие среди худших, и даже худшие среди худших. Уже результаты первой сессии «высвечивают», кто есть кто, а мотивация достижения личного первенства в учебе остается актуальной для очень небольшого круга наиболее подготовленных студентов. Для подавляющей части студенческой группы она переключается на иные сферы активности: общественная работа, спорт, художественная самодеятельность и тому подобное. Это в лучшем случае. А в худшем вообще «уходит» за пределы вузовского пространства и остается малоконтролируемой.

Таким образом, столкнувшись со своей неконкурентоспособностью с дееспособным меньшинством уже на начальных этапах обучения в УВО, современная студенческая молодежь осознает факт неадекватности актуальной вузовской среды по отношению к удовлетворению потребности достижения персонализированного личностного первенства в учебе и переключается в большинстве своем с мотива достижения успеха на мотив избегания неудачи, потенциально сопутствующей любому учебному процессу. Так, 80 % задействованных в тестировании студентов признали факт своего «эмоционального переживания за исход экзаменационной сессии». Но лишь в четверти случаев это обусловлено мотивом достижения лучшего результата и подтверждения адекватности своей высокой самооценки в студенческой среде. Для большинства же определяющими становятся аргументы недопустимости «завала» или пересдачи, не говоря уже о перспективе отчисления. Можно ли утверждать, что обозначенные тенденции трансформации мотивационной сферы взаимоисключают друг друга по смысловой определенности, формирующей отношение к учебе? Вряд ли. В любом случае, идет ли речь о мотивации на достижение личного первенства или о мотивации на избегание неудач, мы имеем дело с позитивной мотивацией, способной подпитать интерес к учебному процессу. Однако, как утверждают психологи, каждый из указанных мотивов в отдельности настраивает личность на принципиально разные стратегии самореализации: в первом случае – на креативно-творческую стратегию, а во втором – на консервативно-приспособленческую. Последняя в конечном итоге и становится для детей социальной аномии определяющей, а линия разграничения отсекает в эту сторону приблизительно две трети численного состава. Таким образом, бóльшая половина студенчества остается на периферии мотивационной заряженности на учебный процесс уже на первом году обучения и освоения профессии.

Попытки углубиться в смысловую палитру реальных паттернов поведения современного студенчества по-прежнему выводят нас на факторы экономического порядка. В частности, к огромной силы демотивационным последствиям для студенческой среды приводит сегодня разбалансировка рынка трудовых ресурсов по линии несоответствия образовательных возможностей подготовки специалистов и их востребованности на рынке труда. Современные экономические реалии не дают прочных гарантий трудоустройства по профессии, поэтому 60 % протестированных считают проблему трудоустройства в профессии одной из самых злободневных. Параллельно с этим 40 % обнаруживают устойчивый, заключенный в ментальности эффект индифферентности к избранной профессии: «Меня не волнует, буду ли я работать в профессии»; а 27 % конкретизируют свою позицию откровенным признанием того, что «пришли сюда ради диплома, а не ради знаний».

Следовательно, сформированный предшествующим этапом социализации (детство, семья, школа) мотив личного первенства должен находить «подпитку» в иной сфере, причем необязательно в основной. Неконтролируемость данного процесса вне стен вузовского образования создает реальные социальные риски развития девиантного поведения, позволяющего утвердить и персонализировать свое *Я* порой в крайне опасных для общества формах. Примером может служить получивший широкую огласку прецедент «керченского стрелка», которому сопутствовала демонстрация соответствующего видеоролика. Это не может не вызвать пропагандистский эффект, в особенности для сегмента молодежи нашего исследовательского интереса. Пока мы говорим о единичных фактах, но перспектив расширения фронта девиаций для постсоветской генерации молодежи сегодня более чем достаточно.

Очевидно, что актуальная для детей социальной аномии вузовская среда оборачивается витком травмирующих фрустраций, привнося в повседневность современного поколения принципиально новые смыслы, способные дать выход аккумулированной в потребности самореализации позитивной энергии, но, к сожалению, не укрепить социальный оптимизм. Напротив, годы обучения в УВО усиливают ощущение неопределенности, отсутствия четких ориентиров и растерянности перед будущим. Это охватившее студентов эмоциональное

разочарование в решающей степени было предопределено фактором наступившей зрелости и первыми робкими попытками самостоятельно найти ответ на вопросы взрослой жизни, на которые чуть раньше отвечали родители и худо-бедно школа. Логика данного процесса хорошо прослеживается в данных, полученных в ходе реализованных нами нарративных интервью с представителями постсоветской студенческой молодежи. Вот, например, одно из них, наиболее рельефно обнажающее неопределенность сложившейся социальной ситуации и ее демотивирующий эффект: *Еще можно было бы сказать про страх. Никогда неизвестно, что же находится там, где ничего не видно, где нет четкой структуры, которая бы подсказывала, куда нужно идти, где нет четкого представления о будущем, неважно, будь оно ближайшее или далекое, ибо в темноте все сливается воедино. Это страх перед неизвестным. Когда я поступал, мой период юношеского максимализма и нонконформизма еще только-только начинал заканчиваться, но, тем не менее, я был окрылен теми возможностями, которые должен был дать мне университет. Хоть я и понимал, что это сказки, которыми нас «травили» в школе и всякие другие «мудрые» взрослые про то, что сейчас без диплома никуда. Это очень вдохновляет и придает заряд энергии. И таким вот образом, окрыленный и заряженный энергией, внезапно влетаешь головой прямо в стену, а жизнь подрезает крылышки… Можно ли ожидать, что я реализую себя в профессии? Печально, что этот вопрос я задаю себе именно ближе к концу обучения. Я уверен, что именно учеба в университете, при всех ее минусах и плюсах, дала мне возможность приблизиться к тому моменту своей жизни, когда я смогу назвать себя умным человеком. Моя профессиональная реализация – это формирование меня самого как человека умного и умеющего управлять своим знанием. Направлять это знание в нужное мне русло. Именно такая установка является гарантией достижения успеха в будущем и победы над тем страхом, который постоянно выжидает, чтобы совершить последний удар. Именно такая установка может дать возможность для достижения счастья, каким бы оно не было*.

Внутрипоколенческое расслоение студенчества по критерию качества самореализации нарушает привычную гомогенность студенческой среды, делая заложниками, как ни странно, как одну, так и другую сторону. Преподаватель вынужден лавировать между двумя сегментами разного уровня качества самореализующихся интенций, по необходимости ориентируясь на доминирующее большинство и по существу сознательно блокируя потенциал творческого роста подающего надежды студенческого меньшинства. Последнее незамедлительно порождает со стороны талантливых студентов неудовлетворенность процессом обучения в принципе. Параллельно большинство в лучшем случае дотягивает до формальных среднестатистических критериев, позволяющих получить диплом и направить свои самореализующиеся интенции в иные сферы деятельности, не забывая о целеполагании в формате успешного жизненного проекта. Поэтому ожидать от постсоветской генерации роста потенциала творческо-креативной и новаторско-инновационной самореализации вряд ли правомерно. Скорее всего, доминантные в обществе процессы пойдут в направлении адаптации малообразованных (в силу формального подхода к обучению) выпускников с неудовлетворенными амбициями. Эти специалисты, скорее всего, не упустят возможности попасть во властные структуры и получить в них сатисфакцию своих амбиций, а также компенсировать неудачи вузовского этапа самореализации. По всей видимости, это и определит смыслообразующий вектор нашего социального развития на ближайшие десятилетия.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть главное. Если посмотреть на полученные нами в ходе исследования данные с точки зрения пусть незначительного, но все же прироста знаний (по конкретизации повседневных жизненных смыслов студенческой молодежи постсоветской эпохи), то надо признать опосредованность исследований фактором сознательного отхода от устоявшихся методологических стереотипов социологии и смещением акцентов в качественную парадигму.

В связи с этим на ум приходит тезис Г. Н. Батыгина, записанный им еще в конце прошлого века: «Этот мир предстает перед нами как мир определенных смыслов. Умея распознавать смыслы и оперировать ими, человек может считать, что понимает происходящее. Если же он не видит, кто есть кто и что есть что, мир становится бессмысленным, чужим и жестоким» [10].

От себя добавим, что вне обозначенного контекста социология вообще теряет свою основную концептуальную линию понимающей социологии и тем самым загоняет себя в тупик.

Библиографические ссылки

1. Исаева М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува. *Знание. Понимание. Умение.* 2011;3:290–295.
2. Ожиганова ЕМ. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. *Бизнес-образование в экономике знаний.* 2018;3(11):94–97.
3. Сторер Н. Социология науки. В: Воронин ВВ, Зиньковский ЕВ, переводчики. *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. Москва: Прогресс; 1972. с. 253.
4. Степин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–13.

5. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:109–118.

6. Александер Дж. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. Ольханов ГК, переводчик. Москва: Праксис; 2013. 640 с.

7. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Ахасов АЯ, переводчик. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2003. 336 с.

8. Тощенко ЖТ. *Социология жизни*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2016. 399 с.

9. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Студенчество цифровых технологий: смысловые инварианты духовных практик. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:125–134.

10. Батыгин ГС. *Лекции по методологии социологических исследований* [Интернет] [процитировано 1 февраля 2018]. Доступно по: https://www.twirpx.com/file/71915/.

References

1. Isayeva M. Crisis and rice generation in W. Stauss and N. Howe's theory. *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 2011;3:290–295. Russian.

2. Ozhiganova EM. Staus Howe generation theory. Opportunities of practical application generations N. Howe and V. Strauss. Practical application possibilities. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii.* 2018;3(11):94–97. Russian.

3. Storer N. [Sociology of science]. In: Voronin VV, Zinkovsky EV, translators. *Amerikanskaya sotsiologiya: perspektivy, problemy, metody* [American sociology: prospects, problems, methods]. Moscow: Progress; 1972. 253 p. Russian.

4. Stepin VS. Civilization in the eroch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarussian State University. Sociology.* 2017;3:6–13. Russian.

5. Danilov AN, Grishchenko ZM, Shcholkova TV. Generation of Z: split of traditions or code conversione of culture. *Journal of the Belarussian State University. Sociology.* 2017;1:109–118. Russian.

6. Alexander J. *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya* [Meanings of social life: cultural sociology]. Ol'khanov GK, translator. Moscow: Praxis; 2013. 640 p. Russian.

7. Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The Semantic structure of everyday world: essays on phenomenological sociology]. Akhasov AY, translator. Moscow: Institute Foundation «Obshchestvennoe mnenie»; 2003. 336 p. Russian.

8. Toschenko ZT. *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of life]. Moscow: YUNITI-DANA; 2016. 399 p. Russian.

9. Danilov AN, Grishchenko ZM, Shcholkova TV. Students of the digital technologies: semantic invariants of spiritual practices. *Journal of the Belarussian State University. Sociology.* 2018;1:125–134. Russian.

10. Batygin GS. *Lectures on the methodology of sociological research. Textbook for students of humanitarian universities and postgraduates* [Internet] [cited 2018 February 1]. Available from: https://www.twirpx.com/file/71915/. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2018.
Received by editorial board 15.10.2018.